

А.П. СКОРИК, Р.Г. ТИКИДЖЬЯН

ПЕРЕХОД К НЭПУ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОНА

К началу 1921 г. политика «военного коммунизма» вызвала острейшее недовольство населения Советской России, справедливо возмущавшегося непомерной бюрократизацией, ломкой товарно-денежных отношений, милитаризацией труда, постоянными масштабными реквизициями. В конце концов, против большевиков, опьяненных победой в Гражданской войне и игнорировавших интересы граждан РСФСР в попытке реализовать иллюзорную идею «мировой революции», выступили даже балтийские матросы, считавшиеся верной опорой революционной власти. Кронштадтское восстание в феврале 1921 г. стало последним событием, заставившим СНК и ЦК РКП(б) пересмотреть основы ранее избранного ими социально-экономического курса. Как известно, на X съезде компартии в марте 1921 г. В.И. Ленин провозгласил замену продовольственной разверстки натуральным налогом. Это была первая в системе мер, направленных на отказ от политики «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике, имевшей целью стабилизировать экономику и успокоить большинство населения.

Казалось, все понятно еще со школьной скамьи: нэп начинается в 1921 г. и прерывается в конце 1920-х. Однако в реальной истории все далеко не так, как зафиксировано на бумаге. Для истории процесс выбора является довольно мучительным. Как и в судьбе отдельной личности, выбор — это метания, переживания, отход от позиций и т.д. Большую страну нельзя одномоментно повернуть, ибо это не солдатская шеренга. Хотя многие, в том числе и большевики, так думали и пытались действовать. Ленинская партия настолько мифологизировала исторический процесс, что до сих пор многие мифы живут в социальной памяти. В качестве такого сохранившегося сегодня мифа можно рассматривать переход к нэпу.

Действительно, в отечественной историографии утвердилась историческая матрица в отношении датировки новой экономической

политики, согласно которой ее начало относится к марту 1921 г., а завершение (точнее, слом, осуществленный насильственными методами) — к ноябрю 1929 г. С формальной точки зрения, указанная датировка не вызывает возражений: нэп был провозглашен в марте 1921 г., а о его сломе и переходе к политике сплошной форсированной коллективизации свидетельствовало появление известной сталинской статьи «Год великого перелома» в ноябре 1929 г. Однако в истории нередко между декларациями и практикой существует временной разрыв. Причем не обязательно в этом случае слова предшествуют делам; вполне могло случиться так, что официальные заявления лишь освящали уже произведенные действия, как это случилось с тем же «великим переломом», основанным на «чрезвычайных хлебозаготовках» 1927-28 гг. Данное обстоятельство само по себе придает условность практически любой периодизации.

Периодизации нэпа вовсе не является исключением. Это хорошо заметно с позиций таких, новых для отечественной исторической науки, направлений познания минувшей реальности, как историческая антропология и региональная история (история провинции, новая локальная история). Как отмечают В.С. Измозик и Н.Б. Лебина, опираясь на результаты анализа повседневной жизни советских горожан, периодизация новой экономической политики представляет собой «весьма упрощенный образ действительности 1920-х гг., с точки зрения истории людей»¹. Исследователи правомерно утверждают, что заметные положительные изменения в повседневной жизни населения и освоение им «нэпа на ментальном уровне» приходятся отнюдь не на 1921 г., а на середину 1922 г.² Основания для сходных обобщений предоставляет и анализ ситуации с позиций региональной истории на социально-экономическом и общественно-политическом уровнях, что и позволяет скорректировать историческую картину постконфронтационного бытия.

Ограниченные рамками статьи, мы рассмотрим лишь процесс перехода к новой экономической политике (оставив «за скобками»

¹ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Нэп: уточненная хронология (историко-антропологический аспект) // Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, проф. В.А. Шишкина / Под ред. В.М. Ковальчука. СПб., 2005. С. 63.

² Там же. С. 63, 79.

ее завершение) для уточнения начальной даты данного процесса на основе региональных материалов Донской области, что отнюдь не случайно. Ведь территории Дона заметно отличались от Центральной России, Урала или Сибири этнокультурной спецификой (в частности, наличием здесь донского казачества), а также длительностью и ожесточенностью гражданского противостояния, завершившегося лишь в 1922 г. Материалы Дона с наибольшей полнотой свидетельствуют о неоднозначности реализации новой экономической политики и, в частности, о затрудненности, растянутости перехода к ней.

В качестве ведущих критериев, сигнализирующих о реализации новой экономической политики (или, напротив, о декларативности заявлений о ней, не подкрепленных реальными действиями), выступают, очевидно, критерии социально-политические и социально-экономические. Иными словами, о начале реализации нэпа на Дону должны свидетельствовать смягчение политики большевистского режима в отношении казачества и крестьянства и определенное потепление отношений между властью и указанными социальными группами (что выражалось, прежде всего, в затухании вооруженного противостояния), а также первые признаки позитивных тенденций в экономике, в первую очередь, — в сельском хозяйстве, которым занималось подавляющее большинство населения Дона.

Предваряя анализ, подчеркнем общеизвестный факт сопротивления множества членов РКП(б) переходу к новой экономической политике, которую они рассматривали как отказ от завоеваний революции и реставрацию капиталистических порядков. Напротив, политика «военного коммунизма» приветствовалась многими членами компартии, поскольку полностью соответствовала их коллективной психологии, основанной на нетерпимости к инакомыслию, склонности решать возникшие проблемы путем насилия, стремлении «быстрее шагать» к новому обществу и пр. В итоге не только возникла ситуация конфликта между руководством РКП(б) и массой ее членов, но и противоречие между официальными декларациями и практикой их реализации. В резолюциях и решениях высших органов компартии говорилось о нэпе, а среднее и низшее звенья партийных функционеров, как и рядовые партийцы, в своей деятельности упорно придерживались военно-коммунистических методов, уже опробованных на практике и понятных пламенным революционерам.

Отмеченные особенности в полной мере проявились и на Дону. Готовность донского руководства приступить к реализации нэпа проявилась далеко не сразу, отнюдь не в марте 1921 г. Собственно, сам В.И. Ленин в речи о замене продразверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г., ознаменовавшей переход к нэпу, прямо заявил о возможности замедления такого перехода (как и о региональной специфике сценариев воплощения нэпа в жизнь): «мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? Не раньше урожая, т.е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае»³.

Понятно, что вождь РКП(б) имел в виду практическую замену продразверстки продналогом, которая была возможна лишь после сбора нового урожая летом–осенью 1921 г.; до этого же властям следовало проводить разъяснительную работу о новой экономической политике. Но, по сути, его слова стали пророческими: местное руководство не спешило отказываться от военно-коммунистических методов работы. В частности, едва ли не в полной мере сохранялись насильственные, принудительные методы сбора налогов с населения. Некоторое время сохранялась даже привычная продразверстка, хотя и в несколько видоизмененном виде.

В.И. Ленин в мае 1921 г., через два месяца после провозглашения перехода к нэпу, признавал: «на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятой»⁴. Специалисты, анализирувавшие действия местных властей (в т.ч. и на Дону), обоснованно утверждают, что «ни весной, ни даже летом 1921 г. не существовало реальной экономической свободы, этой важнейшей составляющей нэпа»⁵, что «чрезвычайные методы работы и после перехода к нэпу воспринимались руководством [Донской] области как норма жизни»⁶. Показа-

³ Ленин В.И. Доклад [X съезду РКП(б)] о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. // Ленин В. . Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1974. С. 65-66. (Далее – ПСС).

⁴ Ленин В.И. Доклад [X Всероссийской конференции РКП(б)] о продольственном налоге. 26 мая 1921 г. // Ленин В. . ПСС. Т. 43. М., 1974. С. 299.

⁵ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 65.

⁶ Донская история в вопросах и ответах / Под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 236-237.

тельно, что политуправление Северо-Кавказского военного округа только 23 июня 1921 г. предписало всем заведующим библиотечными базами частей и учреждений округа «немедленно изъять всю изданную до марта 1921 г. литературу по продовольственным вопросам, как несоответствующую новой экономической политике», закончив эту операцию к 1 июля⁷. Как видим, устаревшие руководящие материалы для местных продработников были изъяты отнюдь не в марте–апреле 1921 г., а лишь через три месяца после ленинской речи о замене продразверстки натуральным налогом. Возможно, руководство Донской области не торопилось с соответствующим распоряжением просто потому, что до начала уборочной кампании имелся довольно большой резерв времени. Но вполне вероятно, что большевистские функционеры на Дону сознательно саботировали указания своего партийного вождя, искренне надеясь на отказ от перехода к не большевистскому нэпу (и тогда старая литература о принципах и правилах сбора продразверстки была бы востребована).

Хотя руководящие материалы по продразверстке и были изъяты из библиотек, это мало отразилось на руководстве в селах и станицах, которое по старой памяти применяло для сбора продналога методы давления на крестьян и казаков. Даже в апреле 1924 г. (через три года после ленинских деклараций на X съезде компартии) партработники Шахтинско-Донецкого окружкома РКП(б) признавали, что «нужен был большой нажим», чтобы собрать продналог, «пришлось стать на путь репрессий»⁸. В ряде случаев сохранялись чрезвычайные органы, призванные контролировать деятельность донских хлеборобов. В региональной историографии советского периода с непонятным восторгом сообщалось, что «созданные в начале 1921 г. Донпосевкомом окружные, волостные и станичные посевкомы осуществляли руководство посевной кампанией, помогали организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря и заготовку семян»⁹. Таким образом, посевкомы, т.е. чрезвычайные органы по руководству севом (а то и по принуждению к севу), спокойно существ-

⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 99. Л. 57.

⁸ ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

⁹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Ростов н/Д., 1971. С. 41.

вовали и в рамках нэпа. Характерно, что сталинский режим возродил эти чрезвычайные органы (под названием *посевные тройки*) в период осуществления сплошной форсированной коллективизации, когда производственная активность колхозников и единоличников, как и качество сельхозработ, были близки к нулевой отметке.

Больше того, руководители Днобласти пытались сохранить и продразверстку, которая привлекала их не только простотой и удобством, но и тем, что содействовала, по их мнению, классовому расслоению крестьянских сел и казачьих станиц (как говорили участники I Донской областной партконференции в начале июня 1920 г., при продразверстке «неимущие будут говорить, что [хлеб] должны дать те, которые имеют больше хлеба, между ними создается рознь», и это поможет расслоению казачества¹⁰). Наиболее известным фактом является решение III Съезда Советов Дона в июне 1921 г. В полном соответствии с принципами «демократического централизма», съезд дал исключительно положительную оценку новой экономической политике. Тем не менее, одобрив переход к нэпу, съезд принял, по существу, антинэповское решение о сборе с сельского населения Донской области «единовременного хлебного наряда» в размере 643 тыс. пудов (первоначально наряд был больше, но его снизили из-за волны возмущения хлеборобов). Естественно, это решение было расценено населением (или, как сообщалось в советской литературе, разного рода контрреволюционерами, эсерами, меньшевиками) как видоизмененная разверстка¹¹. Точно так же оценивают «единовременный хлебный наряд» исследователи постсоветского периода¹².

Как видим, даже летом 1921 года руководство Днобласти не проявляло стремления отказываться от военно-коммунистических методов реализации аграрной и налоговой политики; в ряде случаев такие методы сохранялись на протяжении последующих месяцев и даже лет. Более того, представители власти пытались сохранить продразверстку как центральный элемент аграрной политики времен «военного коммунизма».

Сходная ситуация складывалась и применительно к социально-политическим отношениям. В советской историографии утвержда-

¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.

¹¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 42.

¹² Донская история в вопросах и ответах. С. 245.

лось, что «введение новой экономической политики внесло успокоение в среду крестьянства и трудового казачества»¹³. Однако все было не так просто и не столь идеально. Отношения между большевиками и донскими хлеборобами нормализовались далеко не сразу после провозглашения перехода к нэпу. Более того, в 1921 г. эти отношения даже ухудшились. Возмущение земледельцев Дона насилием власти и тяжестью налогообложения переросло в открытые вооруженные выступления, настолько распространенные, что их вполне можно трактовать как продолжение Гражданской войны. Причем, несмотря на успокоительные заявления большевистского руководства, «наибольшего развития повстанческое движение достигло к лету — началу осени 1921 г.»¹⁴, то есть ко времени сбора того самого пропагандируемого натурального налога.

О том, что жители Дона далеко не сразу ощутили перемены к лучшему в связи с объявлением нэпа, свидетельствует и история возникновения полумифической тайной организации — «Донской повстанческой армии». В октябре 1921 г. военными властями была предпринята попытка задержать в хуторе Ясыреве некоего Уварова, члена одной из повстанческих групп. Уварову удалось бежать (позже все-таки его поймали), но в брошенной им во время бегства одежде красноармейцы и сотрудники ВЧК обнаружили любопытные документы, повествовавшие о существовании «Донской повстанческой армии». На документах имелись подписи «командующего армии» Орленка и «начальника штаба армии» Хохуленко¹⁵. Так, совершенно случайно, представители советско-партийного руководства на Дону узнали о существовании еще одной повстанческой организации, до этого никак себя не проявившей. Впрочем, данная организация существовала, большей частью, в воображении ее создателей, число ее участников, видимо, измерялось единицами и никаких антисоветских действий они не успели (или не могли) предпринять.

Наиболее интересны данные об организаторах «Донской повстанческой армии», времени и мотивах ее создания. В ходе рассле-

¹³ Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II (1921–1971 гг.) / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1973. С. 24.

¹⁴ Донская история в вопросах и ответах. С. 245.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 384. Л. 23, 23об.

дования удалось установить, что за псевдонимом Орленок скрывался казак, уроженец станицы Великокняжеской (впоследствии переименованной в Пролетарскую) Захарий Филиппович Абрамов, а под фамилией Хохуленко — мещанин из г. Полтавы, Шемполонский Константин Ефимович. Пикантность ситуации придавал факт, что и Абрамов, и Шемполонский прошли обучение в «Красной Академии Генерального Штаба», т.е. являлись красными командирами. Больше того, на момент задержания Абрамов занимал должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии, выполнявшей задачи по искоренению политического бандитизма на Дону¹⁶.

Оказалось, что «Донская повстанческая армия» была сконструирована Абрамовым и Шемполонским (естественно, на бумаге) в июне 1921 г., т.е., формально, в период нэпа. Одним из мотивов создания повстанческой организации являлось то, что красные командиры никак не ощущали перемен к лучшему, которые должна была принести новая экономическая политика. Объясняя причины своих антисоветских действий, Абрамов на допросе сказал буквально следующее: «наша Республика, несмотря на все старания правительства... экономически гибнет. Это можно констатировать из общего положения страны и в особенности Поволжья и Дона, где катастрофическое положение усилилось еще и стихийным бедствием — недородом». О том же рассказывал следователям и Шемполонский, утверждавший, что целью «Донской повстанческой армии» было «дать жизненные формы стране»¹⁷. В этих словах выражена вся крестьянская боль исторической эпохи переходного периода.

Прекращение повстанческого движения и ликвидация политического бандитизма на Дону произошли только весной 1922 г. Лишь в это время «прекратились налеты озверевших конников на станицы и села, кровавые расправы над коммунистами, комсомольцами, активистами. Не разрывали больше ночную тишину ожесточенные перестрелки, не полыхали зарева пожаров от подожженных бандитами сельсоветов»¹⁸. Впрочем, и впоследствии сохранялись основания для возникновения активного вооруженного противостояния между вла-

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ Там же. Л. 32об, 33об.

¹⁸ Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.) / Отв. ред. Е.Н. Осколков. Р. н/Д., 1988. С. 185.

стью и определенной частью населения Дона, в первую очередь, казачеством. Произошедшие во время гражданской войны «трагические события в Донской области прочно остались в памяти крестьянских защитников советской власти и еще долго подпитывали антиказачьи настроения, что, в частности, проявилось в годы нэпа и мешало большевикам осуществлять свои благие намерения, выраженные в лозунге «лицом к казачеству»¹⁹.

Наконец, далеко не сразу после провозглашения либерального правительственного курса улучшилось состояние сельского хозяйства на Дону. Справедливы утверждения, что «замена разверстки натуральным налогом, переход к товарно-денежным отношениям были понятны крестьянину и казаку» и «создавали мощный стимул для развития сельскохозяйственного производства»²⁰. Действительно, среди крестьянства и казачества Дона после официальных деклараций о ликвидации военно-коммунистического варианта аграрной политики распространились настроения, выраженные словами одного из хлеборобов: «хотел только 5 десятин засеять, а теперь постараюсь и, может, 8-10 оборудую»²¹. Однако на самом деле в 1921 и даже в 1922 г. состояние аграрного производства на Дону было крайне сложным. Это было обусловлено не только сильнейшей засухой 1921 года, но и, как мы уже отмечали, тяжестью налогообложения и приверженностью местного руководства военно-коммунистическим методам работы с населением. Ведь власть, которая должна защищать своих приверженцев, воевавших за нее в самые смутные времена Гражданской войны, помогать встать на ноги в послевоенное время, продолжала обдирать их как липку. Получалось: «пиши долг на двери, а получать будешь в Твери».

В 1922 г. посевная площадь в Донской области уменьшилась даже по сравнению с отнюдь не легкими 1920-21 гг.²² 1922 год был совершенно обоснованно назван «наиболее кризисным» для сель-

¹⁹ Перехов Я.А. Идеологическая составляющая политики государства по отношению к казачеству (1917–1927 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Вып. 2. Ростов н/Д., 2008. С. 269.

²⁰ Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева и С.А. Андропова. Ростов н/Д., 1970. С. 45.

²¹ Сквозь ветры века. С. 184.

²² Донская история в вопросах и ответах. С. 246.

ского хозяйства Дона.²³ Даже на протяжении последующих лет в ряде районов и округов Дона позитивные тенденции в сфере аграрного производства были почти незаметны. Так, в Шахтинско-Донецком округе в 1916 г. посевная площадь составляла 827 тыс. десятин, в 1923 г. — 395,4 тыс. десятин, в 1924 г. — 379,4 тыс. десятин; лишь в 1925 г. площадь запашки начала расширяться, составив 442,8 тыс. десятин²⁴. Иными словами, в области производственных отношений результаты нэпа на Дону сказались не в 1921 г., а не ранее 1923 г.

Итак, проведенный анализ событий на Дону позволяет заключить, что с позиций исторической регионалистики (так же, как и с точки зрения историко-антропологического подхода), новая экономическая политика как историческая реальность, а не как официальные большевистские декларации, должна быть отнесена отнюдь не к марту 1921 г. (и вообще не к этому году), а точнее, к 1922-23 гг. Нормализация социально-политической обстановки (свертывание повстанческого движения, ликвидация политического бандитизма) на Дону произошла не в 1921 г., а лишь весной 1922 г. Еще хуже обстояли дела в сфере базисного для Дона аграрного производства. Здесь положительнее тенденции отчетливо наметились не в 1921 г. и даже не в 1922 г., а уже в следующем, 1923 г.

Таким образом, переход к нэпу на Дону растянулся как минимум на два года. Кстати, точно такая же ситуация сложилась и на Ставрополье²⁵. Инерция «военного коммунизма» оказалась слишком велика, она ощущалась в реально-социально-экономической практике по всей стране, что собственно и признавали большевистские вожди. Переход к нэпу затянулся, но в каждом российском регионе при наличии этой общей исторической тенденции существовали свои местные особенности, свои индикаторы новых общественных настроений («в верхах» и «в низах»), свои исторические коллизии партийно-политической и вооруженной борьбы, свои локально определенные точки отсчета в историческом процессе перехода к нэпу.

²³ *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997. С. 52.

²⁴ ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

²⁵ *Шпаков В.О.* Крестьянство и власть в период социального конфликта 1917-1923 гг. (на материалах Ставрополья). Автореф. дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 27.